

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ. Мовознавство**ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В РУССКОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ)**

С.В.Глуцук

*(кандидат педагогических наук, доцент,
Измаильский государственный гуманитарный университет)*

У статті на матеріалі художніх творів російської сільської прози аналізується національна специфіка вибору фітоніма як об'єкта порівняння.

The article analyzes national specifics of phytonym's selection as an object of comparison on the basis of works of Russian village prose.

Данная статья является продолжением начатого нами изучения лингвокультурологических особенностей сравнительных конструкций с опорным компонентом флоризмом в близкородственных русском и украинском языках (1, 116-121), что в настоящее время особо актуально. И в этом аспекте значительный интерес представляют наименования флоры, выступающие объектом сравнения, которые мы выявили в произведениях русских и украинских писателей XX века.

Сравнительные конструкции со стержневым компонентом *растением* весьма распространены во всех мировых языках, они обладают высоким коннотативным потенциалом, активно используются в речевой деятельности для образной характеристики человека, его действий, состояния, окружающих его реалий. А на основе сравнения и других интеллектуальных приемов у каждого народа вырабатываются свои стереотипы и символы (2, 128).

В любой культуре образы растений всегда являются составляющей национальной картины мира, запечатленной в языке, фольклоре, литературе, фразеологии, в повседневной жизни. И восприятие природы у каждого народа имеет как общечеловеческие, так и национальные оттенки. Фитонимы не только обозначают существующую реальность, но также выступают важными лингвистическими элементами мировоззрения как высшего духовного уровня мира.

Материалом для анализа послужили художественные произведения Ф.Абрамова (роман «Дом», повести «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька», «Безотцовщина», «Мамониха», «Жила-была семужка», рассказы «В Питер за сарафаном», «Собачья гордость», «Однажды осенью», «Сосновые дети», «Последняя охота» и др.) (3), В.Распутина (повесть «Последний срок») (4), Е.Гуцало (повести «Родинне вогнище», «Мертва зона», «Шкільний хліб») (5), О.Гончара (роман «Тронка») (6).

Нас интересовала национальная специфика выбора фитонима в структуре сравнения в речи русских и украинских жителей сельской местности. При анализе сравнительных оборотов внимание обращалось на общее и различное в использовании фитонимов и их символике в русской и украинской деревенской прозе, выявлялись их коннотативные возможности. Коннотацию мы вслед за Ю.Д.Апресяном понимаем как несущественный, но устойчивый элемент значения, содержащий оценку того или иного явления, признака, действия, принятую в данном языковом коллективе (7).

В нашем исследовании фитонимы рассматриваются в широком смысле как лексемы, обозначающие в прямом значении наименование всех объектов, принадлежащих к растительному миру, что подразумевает включение гиперонимов и гипонимов, наименований как самих растений, так и их частей, артефактов, семантически мотивированных элементами флоры, а также растительных массивов.

В результате сплошной выборки были обнаружены 1) общие образы, используемые в произведениях русских и украинских прозаиков; 2) фитонимы, наблюдаемые только в произведениях русских авторов; 3) образы, выявленные лишь в сочинениях украинских писателей.

Поскольку первая группа образов уже была проанализирована нами в статье (1, 116-121), то в пределах данной работы рассмотрим лишь вторую группу фитоморфных образов и попытаемся выявить национальную специфику их употребления русскими авторами.

В произведениях русских писателей зафиксированы дендронимы *березка, сосна, дерево, липка*; наименования растительных массивов *роща, ельник*; частей растений *веточка, лист, лоза*; названия технических культур *лен, конопля*; споровых растений *мох*; травянистых растений *травинка / травина, одуванчик*; корнеплода *репа*, хотя некоторые из этих образов традиционны и для украинцев (например:

коноплі під стелю, а льон по коліна, аби господиню голова не боліла!; Ой сосно, сосно зелена, / Де ти, сосно, росла? / Дунаєм-водою приплила, / У молоді на столі зацвіла // и др.). Но мы не выявили такие примеры в анализированных произведениях.

По данным Полной энциклопедии символов, знаков, эмблем, береза – символ женского начала, перехода от зимы к весне как первое дерево, выпускающее почки. Противоречивый символ, выражающий счастье; оберегающее, но и вредное обиталище злых женских сил.

На севере Руси не строили дома там, где росли березы, и наоборот, полагали, что березовые ветви приносят урожай, и втыкали их на полях. У христиан береза – элемент праздника Троицы. Ее ветви, используемые при праздновании Троицы, считали оберегом от нечистой силы, они защищали дом от бури, урожай от града и птиц (8, 168).

«Стоит дряво кудряво, на этом дряве сусло, масло, глазам светло и всем тепло» – эта загадка про березку говорит о том, как необходима была она нашим предкам. В бане попариться, колесо смазать, лучину зажечь, весенним днем собрать целебный сок, очищающий кровь и восстанавливающий силы после долгой зимы.

Береза – священное дерево всей Северной Европы. В гороскопе друидов ей посвящен день летнего солнцеворота, 24 июня. Первый месяц весны в Украине носит название «березень».

Одно из священных деревьев восточных славян, береза была у русских «ярилиным» деревом. Ярилин день – древний языческий праздник плодоносящих сил природы, отмечался 4 июня (по старому стилю). В этот день водили хороводы вокруг березки (знаменитая русская народная песня «Во поле березка стояла...»), только после него разрешалось рубить березу. Позднее этот праздник увязали с православной Пасхалией, он стал зависеть от дня Пасхи и назывался «семик» – седьмой четверг по Пасхе. Поэтому береза еще считается у православных русских Троицким деревом. На семик и на Троицу березу освящают в храмах. Связанные с этим днем обряды – хороводы девушек, заплетание березовых веток в косы, украшение березок лентами, венками из трав и венками из теста («козулями»), – представляют березу как символ девичьей красоты, целомудренности (9, 138).

Вероятно, поэтому Ф.Абрамов с помощью фитоморфного образа березы с уменьшительным суффиксом -к- описывает с положительной коннотацией состояние девушки, сравнивающееся с этим деревом: *И было ей (Лизе) тогда 17 лет. И она вся трепетала, вся искрилась, как молоденькая березка на солнце в летний день. Вся была ожиданием новой жизни, нового счастья* (3, Дом, 125).

Сосна с древних времен ценилась людьми. Благодаря таким замечательным свойствам, как быстрый рост, светолюбие, долговечность, неприхотливость к почве и влажности, в культурах многих народов она стала символом прямоты, жизненной силы, плодovitости, силы характера, молчания, уединения, фаллическим символом. Будучи вечнозеленой, символизирует долголетие, бессмертие. Поэтому жертвенные костры жгли из смолистых сосновых поленьев, хоронили умерших в сосновых гробах, с надеждой продлить их жизнь. Веточками устилали путь во время похоронных процессий, а на могилах оставляли сосновые венки. Считалось, что она отвращает зло. Благодаря своей форме шишка сосны – одновременно огненный и фаллический символ, олицетворяющий мужскую творческую силу, плодovitость и удачу (10, 239; 11).

У Ф.Абрамова фитоним *сосна* употреблен для характеристики человеческого лица, красного, горячего от прилива крови вследствие сильного чувства или переживания: *Игорь, довольный, смеется. Сухое, загоревшее лицо его с белыми бровями пылает, как сосна* (3, Сосновые дети, 529). Такое сравнение, вероятно, связано с тем, что сосна, пропитанная смолой, горит ярче, чем другие деревья, а кора сосны, особенно молодой, имеет оттенок бронзы, как у загорелого человека (положительная коннотация).

Дерево – это древний символ многих народных сказок, символ жизни, космоса, Вселенной, законов, человека как части Космоса. Дерево космическое, астральное, мировое; дерево – познание добра и зла и дерево жизни, от которого текут четыре реки.

Мировое дерево разные народы представляют по-разному. В Индии под священным деревом играет на флейте Кришна. У персов под деревом встречаются два всадника – два персонажа по обеим сторонам дерева – декоративный момент Месопотамии.

Дерево – символ не только растительного сознания, но и обреченности живого, согласно ритму природы. Оно вертикально, как человек. У многих народов есть персонаж: человек-дерево, соответствующий мужскому и женскому началу.

В христианской иконографии дерево является символом дарованной Богом жизни, и прохождение его годового цикла указывает на жизнь, смерть и воскресение, в то время, как бесплодное или отмершее дерево, напротив, свидетельствует о грехе. Из древесины райского «Древа познания» позже якобы был сооружен крест для Христа, который впоследствии стал «древом жизни». Дерево многократно изображалось с сучьями и листьями и сравнивалось со стволом от «корня Господня» (12).

Ф.Абрамов апеллює к образу дерева в одному випадку з визначенням *подрубленое* для художественного описання волнення людини, стан якого подібний дереву на визначеній фазі вирубки, коли відрізаний ствол з'єднується з залишеним пнем невеликим фрагментом, тому дерево починає шататися (негативна конотація): *Павел тільки увидел дорогу сестрицу, закачался, как подрубленное дерево* (3, Пелагея, 292). А в іншому випадку вся синтаксическа конструкція будується на асоціації персонажа з заново вирослим деревом на фоні срублених, знищених ним дерев'як, що і створює ефект несподіваності його появи на місці вирубки; в цілому персонаж оцінюється самим автором як негативний: *Стоит* (Геха-маз), *как заново выросшее дерево – огромный, в резиновых сапогах с длинными голенищами, натянутыми до пахов, и улыбается* (3, Мамоница, 454).

Липа – святе дерево у слов'янських народів. У липи, растущої в центрі села, збиралися люди на свято. Около неї зажигали костри на свята. Огонь для підтримання домашнього очага оновлювали кожний рік від вогню з деревини липи. Існував закон не чинити їй шкоди, шкода особливо почитаним липам, їх не можна було рубити або зламати гілку. Вважалося, що в липу не падає блискавка, тому під нею ховалися в час грози. Липи саджали около будинків для захисту. Вона мала і лікувальні властивості. К тому ж липа – чарівне дерево, в багатьох російських казках вона наділена умінням виконувати бажання (8, 233).

А за іншими даними, липа – символ жіночості, м'якості, ніжності і підатливості. Сердцевидні листи липи асоціювалися з сердечністю. Чай з соцветий липи вважається заспокоюючим засобом. Липа вважається жіночою протилежністю дубу.

Особливе місце липа займає в символіці західних слов'ян, які почитали її як деревородительницю, супроводжуючу їх все життя. Липа давала одяг і взуття, захист і посуд. Тому в емблематиці чехів і словаків липовий колір, гілка липи з квіточками і липовий вінчик стали знаками національного гідності (9, 148).

В сучасній російській мовній картині світу липа має знижену конотацію. Так називають підделку, фальшивку, ненастояще. А використання цього фітоніма з зменшувальним суфіксом *-к-* наряду з дієсловом *ободрать* в розмовній мові означає «ограти, ободрати до нитки», що і спостерігаємо у Ф.Абрамова при характеристиці дії одного з персонажів: *- Ну ладно, стерва старая, - сказал на прощанье Прошка, - спасибо за учење. Ты меня ободрала как липку, но и тебе не жить в новом доме. Сгоршишь!* (3, Отомстил, 585).

Роща. Якщо «темний ліс» символізує страх людини перед незвіданою, «неприрученою» природою, то просторово обмежена роща, що складається з відносно небагато дерев'як, – місце спостережливих прогулок і спокійного спілкування з надлюдськими істотами і силами. Священна роща Додони в Епирі – місце, де знаходилося святилище Зевса, який шелестом свого священного дуба (або бука) вказував свою волю через оракула. В Стародавньому Римі була відома священна роща в районі Ариція около озера Неми, посвячена Діані Ариціній, де дерева знаходилися під захистом священного володаря. Такі рощи зазвичай служили укриттям для беглеців. У кельтів і германців рощі теж були священним місцем, де божества так або інакше виражали свою волю своїм обраникам. Даліший крок – від неприрученого лісу через тихі рощі к покороєній, доглянутій природі – символічно приводить нас в сад (13).

Ф.Абрамов, використовуючи фітонім *роща*, порівнює її з кущем, культурним масивом, за яким доглядають, обробляють, в протилежність природній рощі, зарослій і неохороєній; в контексті це порівняння дає негативну конотацію: *Задичал, как роща, разросся кустарник за двадцать лет...* (3, Дом, 241).

Ель символізувала вічну життя. Символіка ели отримала своє втілення в двох непересекаючихся значеннях: 1) як «дерево життя» ель стала почитатися в новорічних і різдвяних святах, емблема яких – розквітле, штучно розквітле ціле дерево; 2) як символ жертвенності і похоронного знака використовуються еловий лапник, гірлянди з елових лап і елові венки. Часто лапник спеціально мелко рубят і кидають на свіжу могилу, щоб підкреслити частинність, обривчастість людської життя.

Як торжественний символ вічної життя, вічного спокою і пошани, сріблясті норвежські ели саджають на спеціальних, пам'ятних захороненнях воїнів-захисників або перед державними будинками (9, 144-145).

Однак у Ф.Абрамова використана лексема *ельник* як збиральне позначення елового лісу. Автор з допомогою даного фітоніма описує створене враження від способу вирощування іншого рослини, і дає його кількісну характеристику: *Он* (Виктор) *указал на крапиву, которая высокой стеной, как ельник, окружала крыльцо* (3, Мамоница, 440).

Ветка – цей символ має різні значення: служить прикладом, коли частина заміняє ціле або існує самостійно.

В Древней Греции по треску сжигаемой липовой ветки гадалки предсказывали будущее.

В России из ветвей деревьев вязали веники, считавшиеся эффективным средством для поправки здоровья в бане.

Есть поверье, что ветви бузины, вяза или ясеня способны излечивать. Верба очень любима у славян, она считается символом плодородия. Ветки ивы-красотала – символ разлуки и памяти (8, 179-180).

Ф.Абрамов, используя лексему *ветвь* с уменьшительным суффиксом -к-, описывает с положительной коннотацией жизнерадостное состояние человека: ... *вновь ожила* (Лиза). *Как веточка, на которую брызнуло дождиком, зазеленела* (3, Дом, 232-233).

Лист – орган воздушного питания, газообмена и фотосинтеза растений в виде тонкой, обычно зелёной пластинки (14).

У Ф.Абрамова этот фитоним употреблен в составе устойчивого сравнительного оборота с негативным значением «неотвязно, назойливо, надоедливо не отставать от кого-либо»: - ... *Одна я* (Лиза), *что ли, в Пекашине, как банный лист пристал?* (3, Дом, 83).

Лоза – один из древнейших символов плодородия и изобилия, жизненной силы и жизнерадостности.

Изображение лозы и ее ветвей указывает на Христа и Церковь: «Аз есмь лоза, вы же родите».

Лоза с гроздьями винограда или птицы, клюющие гроздь, указывают на центральное таинство Церкви – Евхаристию: люди или клюющие гроздь птицы представляют христиан, питающихся Телом и Кровью Христовыми. В Ветхом Завете виноградная лоза, принесенная посланцами Моисея из земли Ханаанской – символ Земли Обетованной. В Новом Завете – символ рая, земли, обетованной тем, кто причащается Телу и Крови Христовой (9, 139).

Известно, что лоза обладает особым свойством гибкости, вероятно, поэтому Ф.Абрамов прибегает к данному фитониму в одном случае для описания качеств человека: *А потому что твердо на ногах стоял* (Лукашин), *потому что не гнул, как лоза, при всяком ветришке сверху...* (3, 206); а в другом – для характеристики его пружинистой походки: *Молодой, красивый, рослый* (офицер). *Идет – выгибается, как лоза* (3, Пелагея, 297). В обоих случаях коннотация положительная.

Лен относится к древнейшим культурам. Его семена употребляли в пищу со времен бронзового века, подмешивая к зернам пшеницы. Около 9000 лет назад люди научились изготавливать нити из стеблей льна. Наибольшего совершенства культура льна достигла в Египте и Месопотамии.

Эллины считали лен чистейшим из растений, символом света, чистоты и верности. Служители культов самых разных богов предпочитали именно льняные одежды как чистейшие в ритуальном отношении.

Издавна известны и лечебные свойства льна. Настои и отвары семян льна считались хорошим средством при заболеваниях почек, желудочно-кишечного тракта. Льняное масло использовали для припарок.

Значительная роль, которую играл лен в повседневной жизни людей, нашла отражение в разнообразных пословицах и поговорках о нем: *Лен с сарью не ладит; Кукушка закуковала — пора сеять лен; Лен сей в последнюю четверть; Лен две недели цветет, четыре недели спит, на седьмую — семя летит* (15).

У Ф.Абрамова фиксируем употребление фитонима *лен* с целью художественной характеристики цвета головы человека (седины) по цветовому признаку: *Голову взмылило, взбелило, как лен на осеннем лугу, расплнела, раздалась...* (Анфиса Петровна) (3, Дом, 34). Известно, что лен в цвету голубой, а когда созревает осенью, его стебли становятся сизыми.

Мох – стелющееся или прямо стоящее споровое растение, обычно растущее в сырых местах на земле, на деревьях, на камнях. Например, *мохом обрасти* (также перен.: чуждаясь людей, одичать, закоснеть; разг.). Постройки также от старости покрываются мхом, поэтому у Ф.Абрамова пыль сравнивается со мхом для указания большого ее количества (такой слой пыли, как мох): *Даже постройки обросли пылью, как мохом* (3, Дом, 157). Мох под ногами неустойчив, болотистая почва, покрытая мхом, всегда зыбкая, проваливается под ногами (реальные качества мха), вероятно, поэтому неустойчивое состояние человека, промежуточное между бодростью и сном (дрёма), ассоциируется у Ф.Абрамова со мхом (и не твердая почва, и не жидкая): ...*внезапно просыпался* (Володька) *и снова, истерзанный бессильной яростью и усталостью, проваливался в зыбкую, как болотистый мох, дрёму...* (3, Безотцовщина, 393).

Таким образом, проанализировав сравнительные конструкции со стержневым словом фитонимом, мы пришли к выводу о том, что в русской деревенской прозе сравнение осуществляется на основе сходства формы, способа произрастания, цвета, ассоциаций для создания образности, делая более наглядным описываемое явление, предмет, и оценочности с разными типами коннотаций, если они имеются в языковой системе.

В последующих статьях опишем особенности употребления фитонимов в произведениях украинских писателей.

1. Глушук С.В. Символика флористики в языке русской и украинской деревенской прозы // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: Зб. наук. праць. – Ізмаїл, 2008. – Вип. 27.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
3. Абрамов Ф.А. Дом: Роман. Повести. Рассказы. Публицистика. – М., 1998.
4. Распутин В.Г. Последний срок. Прощание с Матёрой: Повести и рассказы. – М., 1985.
5. Гуцало Є. Вибрані твори. – К., 1987. – Т.1.
6. Гончар О. Циклон. Тронка. Собор: Романи. – К., 1990.
7. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
8. Полная энциклопедия символов, эмблем и знаков /В.В.Алексеевко, И.С.Горецкая, Э.В.Коган, А.С.Колесникова, М.О.Рахно. – Ростов н/Д; М., 2008.
9. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М., 2006.
10. Басова А.И. Культурно-обусловленные коннотации фитонимов и зоонимов и их роль в повышении эффективности межкультурной коммуникации // Мова. – Одеса, 2006. – №11.
11. <http://www.slovarik.kiev.ua/symbol/s/130357.html>
12. <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=202>
13. <http://esymbols.ru/prostranstva/roshha.html>
14. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб., 2001.
15. http://malib.ru/shaposhnikov_calendaria/158/